

"Лобовский
артист"
7 ноября 1954

К. ПАУСТОВСКИЙ.

Встреча в поезде

Однажды мы поехали рыбачить на Старую Канаву. Так в этих местах зовут узкую лесную речку с быстрым течением и коричневой водой. Речка эта протекает в большом отдалении от человеческого жилья, в глубине леса и попасть на нее не так-то просто. Сначала нужно ехать сорок километров по узкоколейке, потом километров тридцать идти пешком.

На Старой Канаве в ямах с водоворотами обитали крупные язи, и за ними-то мы и поехали.

Возвращались мы на следующий день. В лесные тихие сумерки мы вышли к разъезду на узкоколейке. Сильно пахло скипидаром, опилками и гвоздикой. Был уже август, кое-где на березах висели первые пожелтевшие листья. То один, то другой такой лист загорался по очереди золотым пламенем от луча закатного солнца.

Подошел маленький поезд весь из пустых товарных вагонов. Мы влезли в тот вагон, где было побольше народа. Женщины везли кошолки с брусникой и грибами. Два небритых охотника сидели, свесив ноги, в открытых дверях вагона и курили.

Сначала женщины разговаривали о своих сельских делах, но вскоре таинственная прелесть лесных сумерек вошла в вагон, и женщины, вздохнув, замолчали.

Поезд вышел в луга, и стал виден во всю ширь тихий закат. Солнце садилось в травы, в туманы и росы, и шум поезда не мог заглушить птичьего щелканья и перелива в кустах по сторонам полотна.

Тогда самая молодая женщина запела, глядя на закат, и глаза ее казались золочеными. Пела она простую рязанскую песню и кое-кто из женщин начал ей подпевать.

Когда женщины замолкли, охотник в обмотках из солдатской шинели сказал впологоса своему спутнику:

— Спойем и мы, Ваня? Как думаешь?

— Ну что ж, споем! — согласился спутник.

...У одного был густой и мягкий бас. Он лился свободно, широко, и мы все сидели, пораженные этим необыкновенным голосом.

Как всегда, пение вызывало зримые образы, у каждого свои, разные. У меня голос певца вызвал картину деревенского вечера, затянутого дымкой далекого костра, вечерней зари над полями.

Женщины слушали певцов, покачивая головами от удивления, потом самая молодая женщина тихонько заплакала, но никто не обернулся в ее сторону, потому что это были слезы не боли и горечи, а переполняющего сердца восхищения.

Из книги «Родные просторы». Очерк «Во глубине России».

Певцы замолкли. Женщины начали благославлять их и желать им счастья и долгой жизни за доставленную редкую радость.

Потом мы расспросили певца, — кто он такой. Он назвал себя колхозным счетоводом из-за Оки. Мы начали уговаривать его приехать в Москву, чтобы кто-нибудь из крупных московских певцов и профессоров консерватории послушал его голос. Преступно, говорили мы; сидеть здесь в глуши с таким голосом и зарывать талант свой в землю. Но охотник только застенчиво улыбался и упорно отнекивался.

— Да что вы! — говорил он. — Какая же опера с моим любительским голосом! Да и возраст у меня не такой, чтобы так рисковать и ломать свою жизнь. У меня в селе сад, жена, дети учатся в школе. Что это вы придумали — ехать в Москву! Я в Москве был три года назад, так у меня от тамошней сутолоки голова с утра до ночи кружилась и так болела, что я не чаял, как бы мне поскорее удрать к себе на Оку.

Маленький паровоз засвистел тонким голосом. Мы подыезжали к своей станции.

— Вот что! — решительно сказал мой приятель охотнику. — Нам сейчас выходить. Я оставляю вам свой московский адрес и телефон. Приезжайте в Москву непременно. И поскорей. Я вас сведу с нужными людьми.

Он вырвал из записной книжки листок и торопливо набросал на нем свой адрес. Поезд уже подошел к станции, остановился и отдувался, готовясь тронуться дальше.

Охотник при слабом свете заката прочел записку моего приятеля и сказал:

— Вы писатель?

— Да.

— Как же, знаю. Читал. Очень рад познакомиться. Но позвольте и мне в свою очередь представиться, — солист Большого театра Пирогов. Ради всего святого не обижайтесь на меня за этот небольшой «розыгрыш». Одно только могу сказать на основании этого розыгрыша, — счастлива страна, где люди так горячо относятся друг к другу.

Он засмеялся.

— Я говорю, конечно, о том, с каким жаром вы хотели помочь колхозному счетоводу стать оперным певцом. И уверен, что если бы я действительно был счетоводом, то вы бы не дали погибнуть моему голосу. Вот за это спасибо!

Он крепко потряс нам руки. Поезд тронулся и мы остались озадаченными на дощатой платформе. Тогда только мы вспомнили рассказ Дмитрия Сергеевича о том, что певец Пирогов каждое лето отдыхает у себя на родине, в большом заокском селе неподалеку от нас.